К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

РАЗЛУЧЕНИЕ НАШЕ МНИМО

Не успела я представиться, как Лев Николаевич Гумилев заявил мне самым решительным образом: «Если вы хотите, чтобы я написал биографию мамы, то, уверяю вас, я этого делать не буду, так как не буду делать этого никогда». Рассмеявшись, я в свою очередь уверила его, что у меня дело совсем иного рода. В душе, однако, что-то невольно сжалось, едва он произнес м а м а, хотя не думала же я, что он скажет А н н а А н д р е е в н а?!

«Я теперь стараюсь в Фонтанном Доме не бывать. Мне очень там тяжело, понимаете? Столько всего было пережито в тех стенах. Мама называла этот дом ...» — Далее идет — смутно догадываюсь — фраза по-французски, но не успеваю признаться, что не поняла ее, как мой собеседник уже говорит о другом. Спустя некоторое время Лев Николаевич сам спохватывается: «Вы знаете французский? Тогда простите. Мама называла этот дом — Д о м Т е н е й».

Фонтанный Дом граф Николай Петрович Шереметев построил для своей возлюбленной, крепостной актрисы Параши Жемчуговой.

«Мы, любопытствуя, прошли дворец и своды, где тень внезапно леденит». Нет, тень не леденит, очень жаркий день, и солнца так много, что тень как бы убегает. Куда? Мимо? Вовнутрь дома? Кажется, весь мир состоит из ослепительного яркого света, только из него одного. И совсем нет в этом мире тени и нет темноты.

С Бэлой Нуриевной Рыбалко мы встретимся в тот день, когда исполнится ровно год, как ее назначили директором музея Анны Ахматовой. Так получилось, что музей Анны Ахматовой стал филиалом музея Федора Достоевского. Первым его филиалом. Есть еще и второй филиал — музей Михаила Зощенко, вернее, есть пока только решение о создании музея Зощенко. Бэла Нуриевна соответственно директор всех этих трех музеев. (Ну разве не символично, что «омский каторжанин» пригрел под своей кровлей двух опальных художников, которых кровью побратало постановление 46-го года?!.)

Бэла Нуриевна показывает мне окна комнаты Ахматовой. Там день «странно тонок» и «зимнее беззвучье»? Там «новогодний праздник длится пышно, влажны стебли новогодних роз»? Там «вино, как отрава, жжет»? Там «тень на больших белых листах что-то пишет и бросает в живой огонь»?

Но тихо окно, важно и неподвижно. И только затухающее эхо где-то вдали горько бормочет: «..как будто кто-то к кому-то когда-то возвращался...»

А Бэла Нуриевна тем временем мне говорит: «Я вначале думала, не будем успевать к юбилею, дадим просто фотографический ряд ее портретов. И — только. И уже о многом людям скажет одно ее лицо, и как оно менялось — от лица натурщицы до лика Божьей Матери».

Рядом с комнатой Анны Андреевны знаменитый «Белый зал» работы Кваренги. Здесь за зеркалами прятался Павел I и подслушивал, что о нем говорят на балу гости Шереметевых. Здесь для Павла пела нежная Параша, и растроганный государь подарил ей какие-то невиданной красоты жемчуга. Параша умерла в этом дворце — уже графиней Шереметевой — при родах. Параша умерла за 86 лет до рождения Ахматовой. А Анна Андреевна ее жалела, как живую. Думала о ней почти неотступно, помнила ее, стихи посвящала.

...почему Дом Теней? Ахматова живет здесь «очарованным странником», сюда приходят к ней — отбрасывая тени — прошлое и будущее, и эхо отдаленных пений и каких-то глухих звуков,— все то, что закружится потом каруселью в «Поэме без героя». Здесь ужас настоящего («голоса миллионов спящих жизней, которые и во сне не могут забыть, что сделали с их жизнью») она «переплавит» в четырнадцать молитв «Реквием». Здесь Дантов «Ад» из символа библейского сюжета перейдет в разряд жестокой житейской прозы, а д а е е ж и з н и.

Ремонт, он и в музее ремонт. Сиротливость, истома, неприкаянность. Все: накануне, на подступах, на нервах, на крике.

«Музей наш — не о жизни и творчестве Анны Ахматовой (хотя и об этом тоже), а о творческом восприятии Поэтом жизни»,— сказала Татьяна Николаевна Воронихина, художник по литературным музеям.

В 1925 году вышло негласное постановление ЦК: Ахматову не арестовывать, но не печатать. И не печатали. С 1925 по 1940 год — ни одной публикации! В эмиграции отметили: Ахматова замолчала. «Замолчишь, когда за горло берут!»

Как она жила в пространстве новом? Вне времени? «После всего» — так назвала она тогда свою жизнь.

Расстрелян Николай Гумилев. Умер Александр Блок. Она одна. Перебирает черепки той жизни...

Четыре раза арестовывался Лев Николаевич Гумилев. Четырнадцать лет провел в лагерях. Дважды арестовывался Николай Николаевич Пунин (муж Ахматовой, известный искусствовед). Умер в пятьдесят третьем в лагере под Воркутой.

Она познает все: страх, нищету, позор, голод, одиночество. И Фонтанный Дом будет всему этому свидетель. («Разлучение наше мнимо: я с тобою неразлучима, тень моя на стенах твоих»).

Лидия Чуковская вспоминает, как Ахматова рассказывала ей однажды о визите некой девушки из литературного музея:

«Девушка бормочет что-то о какой-то экспозиции, которую они развернут. Конечно, ничего этого не будет. Если меня развернуть в экспозицию — я пропала. Вы подумайте только: Николай Степанович, Лева, Николай Николаевич, два постановления ЦК! Это не то, что какая-нибудь там буржуазная слава: ландо, старая дама, бриллианты в ушах. Это — читайте товарища Жданова. Это — я! Какая тут может быть экспозиция, господи! Девочки по невежеству погубят себя и меня!»

И все же...

Великий русский мыслитель Николай Федорович Федоров писал: музей — надежда века, утешение его; для музея самая смерть не конец, а только начало. Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь; он не только поет и молится, как церковь, но еще и работает на страждущих, для умерших. Музей есть н е с о б и р а н и е в е щ е й, а с о б о р л и ц. Вот он — ключ к образу Дома Поэта.

Поэт Анна Ахматова никогда не покидала своих читателей, но в «эпоху понижения значения людей», когда глаза гордых поникали и падало величие человеческое — самое чувство и понятие родства с такими личностями, как Ахматова, должно было утратиться, и государство делало все, чтобы это непременно случилось.

«Тоталитарный режим, рассчитанный на хама,— и Она, за которой несколько веков русская культура, Библия, Данте,— говорит Нина Ивановна Попова, заведующая музеем.— Могло ли тут быть мирное сосуществование?»

Но мне давно пора сказать, что в Ленинграде есть еще один музей Анны Ахматовой — н а р о д н ы й, и существует он уже восемь лет.

Восемь лет назад Валентина Андреевна Биличенко, человек неуемно, неистово энергичный, без какой-либо посторонней помощи, исключительно по собственной инициативе и вопреки официальному сопротивлению и недоумению («Ахматова? С чего бы это?»),— взяла и организовала в ПТУ-84 музей. Числилась все эти восемь лет Валентина Андреевна в ПТУ младшим библиотекарем, получала свои сто пять рублей и была на все про все в музее одна: и директор, и хранитель, и экскурсовод (экскурсии исключительно бесплатные, и по три в день, а длятся по многу часов подряд), и консультант, и методист, и столяр, и уборщица. И было у нее за это время шесть больниц, и три раза увозила «Скорая» с сердечным приступом прямо из музея.

Вначале дали ей одну махонькую комнату, куда принесла она все, что было у нее дома а х м а т о в с к о г о, все, что насобирала с четырнадцати своих лет. Теперь у музея шесть комнат. «Четыреста квадратных метров!» — с гордостью говорит Валентина Андреевна. А я знаю, что и по сей день она сама моет полы всех этих четырехсот метров, без свежих цветов на работу не приходит, за каждого знаменитого гостя-посетителя оплачивает такси в оба конца из своего, разумеется, кармана, и домашние с этим смирились, ведь музей для Валентины Андреевны тоже как бы ребенок.

Так вот какое у меня было дело к Льву Николаевичу Гумилеву: я спросила его мнение об этих двух музеях — народном и на Фонтанке. Лев Николаевич сказал, что на Фонтанке еще не был. «А к народному музею испытываю самые горячие, самые искренние чувства. Валентина Андреевна — подвижница, конечно. Ведь, поймите, она все это сделала, когда маму любить не очень-то разрешали».

А еще мне сказал Лев Николаевич Гумилев, горько усмехнувшись, что до недавнего времени, вплоть до апреля сего года, у народного музея Анны Ахматовой был хозяин — завод имени Жданова. Жизнь Анны Андреевны полна всякого рода совпадений. Умерла она 5 марта 1966 года. В день смерти Сталина. А она этот день считала освобождением. И даже отмечала его как праздник с друзьями. А тут — надо же — встретились под одной кровлей с товарищем Ждановым, да еще она — Ахматова! — как бы у него в подчинении, у него на попечении.

«Прогресс есть именно производство мертвых вещей, сопровождаемое вытеснением живых людей; он может быть назван истинным, действительным адом, тогда как музей, если есть рай, то еще только проективный, так как он есть собирание под видом старых вещей (ветоши) душ отшедших, умерших. Н о э т и д у ш и о т к р ы в а ю т с я л и ш ь д л я и м е ю щ и х д у ш у»,— писал Николай Федорович Федоров.

...как будто и не было «неправового гонения» на Ахматову, как будто по праву ума, таланта, знаний, достоинства, внутренней свободы, чести, порядочности наше государство всегда признавало ее высшим духовным авторитетом, настойчиво предлагая в качестве «образца» молодым людям, чтоб знали, робкие душою, с кого делать жизнь...

Но нет же, нет, э т о г о не было. Ни в двадцатые, ни в тридцатые, ни в пятидесятые, ни в восьмидесятые. «Никогда она у нас не была признана официально,— сказала, печалясь, Нина Ивановна Попова.— Уже и в Оксфорде ей присвоили звание доктора литературы, и в Италии присудили международную поэтическую премию «Этна Таормина», а на родине издают «Бег времени» — и режут, режут, режут».

При жизни Ахматовой цензура не пропустила «Реквием», целые куски «Поэмы без героя», многочисленные стихотворения.

И хотя в живой жизни Анну Ахматову читали и любили, и хотя к «ахматовцам» принадлежали многие, и хотя людям она нужна была — н а ш и м героем по-прежнему считался Николай Островский, а Ахматова была к а к б ы н е в п о л н е н а ш а.

Никоим образом не хочу бросить тень на Николая Островского. И не противопоставляю в данном случае э т и ф и г у р ы. Скажу даже, что высота духа их роднит. Но! Разве болезни — единственный плен, из которого надо рваться из последних сил? Разве плен иллюзий, штампов, клише, зашоренности, злой торжествующей неправды и неправедности — не так же страшен? И если великое множество людей сегодня имеют весьма смутное представление о совести, человеколюбии, сострадании, чувстве греха, то не потому ли (в ч а с т н о с т и), что поэт Анна Ахматова и личности, подобные ей, были у нас надолго «изъяты из обращения»?

«...человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них».

Кто же мы, не знающие своего бедственного времени и устава жизни?

Через шесть лет после смерти Анны Ахматовой ее ученик и молодой друг Иосиф Бродский, вынужденно покидающий Родину, чапишет Леониду Брежневу: «Люди вышли из того возраста, когда прав был сильный. Для этого на свете слишком много слабых. Единственная правота — доброта».

Все связано со всем, и добро со злом тоже, но связь добра с добром — самая возвышенная и неразрывная.

Гроб с телом Ахматовой стоял в морге института Склифосовского. Это бывший Странноприимный дом. Там тот же герб и тот же девиз, что и на Фонтанном Доме: «Бог хранит всё». И этот дом граф Николай Петрович Шереметев построил для Параши Жемчуговой. Умирая, она его о том попросила. Парашин дом стал последним, где тело Ахматовой нашло приют. Теперь уже раба божья Параша, приняв, пожалела рабу божью Анну. А обе они при жизни и после смерти исповедывали д о б р о, м и л о с т ь.

В разговоре с Львом Николаевичем Гумилевым я случайно обмолвилась о роде Шереметевых в России. (Меня потрясла судьба Павла Сергеевича Шереметева — праправнука графа Николая Петровича Шереметева и Параши Жемчуговой — человека высокообразованного, просвещенного, талантливого, который не покинул Россию после революции, десять лет служил хранителем усадьбы Остафьево, принадлежащей его матери, урожденной Вяземской; бедствовал, был гоним; поселился с семьей в Новодевичьей башне, где и умер в войну; его сын — Василий Павлович — художник, хранит архив отца и тоже бедствует, много работал и много страдал, сейчас сильно болен).

«Васька!» — закричал Лев Николаевич, едва я произнесла имя Василия Павловича. «Мы же его с Натальей Викторовной — моей женой — прекрасно знаем. Моя жена — искусствовед. Васька — замечательный. Вообще, Шереметевы были очень хорошими людьми. О них надо писать непременно».

Бог хранит всё: любовь, скорбь, смерть, память, жизнь духа (и попытки эту жизнь уничтожить, и попытки ее воскресить), стихи, дружбу, людскую верность.

Но в силах ли это все сохранить музей?

Нина Ивановна Попова говорит, что мы сначала все разрушаем, а потом начинаем создавать нечто умозрительное в припадке поклонения или в припадке восхищения, но стыка с нормальной живой жизнью не получается. А надо, чтобы получалось.

На третьем этаже правого флигеля Фонтанного Дома 24 июня, в день рождения Поэта, откроется музей.

А через год на втором этаже этого флигеля будут залы — театральный, выставочный и кинозал.

Это очень важно, чтобы с темнотой в Ахматовском Доме зажигались окна, и сюда шли люди не с 10 до 19, а и вечером, и ночью. Как в гости к другу.

«Но для того, чтобы сохранить ахматовскую жизнь и продлить ее на земле, нам надо самим быть очень свободными людьми. Мы не должны стать рабами даже своей любви к Ахматовой, как она не была рабой никогда и ни в чем».

З. ЕРОШОК.

Лира правды и печали

«Чтоб быть современнику ясным, весь настежь распахнут поэт» — этими словами утверждала свою творческую и гражданскую позицию Анна Андреевна Ахматова, 100-летие со дня рождения которой широко отмечается в нашей стране и за ее рубежами. И закономерно, что нынешний год по решению ЮНЕСКО объявлен годом выдающейся русской советской поэтессы. Знаменательной дате в истории отечественной и мировой культуры был посвящен торжественный вечер, состоявшийся 20 июня в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

На вечере присутствовали член Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. А Медведев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, а также министр культуры СССР В. Г. Захаров, представители общественности, деятели литературы и искусства, зарубежные гости.

Творческий и жизненный путь замечательного мастера слова охарактеризовал, открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР, поэт Михаил Дудин. Он подчеркнул, что у Анны Ахматовой можно учиться мужеству, любви и поэзии — великим основополагающим качествам человеческой души.

(ТАСС).